

КАМЕРАЛКА

Был камеральный день. Мы только что закончили самую легкую часть работы: завернули в бумагу образцы и шлифы. Во время небольшого перерыва я поставил на керосинку чайник, а Ник отправился за почтой, которую Михалыч только что привез из Мургаба. Нику пришло сразу несколько писем от Лены. Он тут же их распечатал и стал читать.

– Нинка привет тебе передает и спрашивает, можно ли написать письмо?

– Ни в коем случае. Напиши ей, что я в горах замерз. И лучше стихами из твоей новой поэмы «Погибшему другу». Помнишь, там есть одно крутое место:

«И он лежал на леднике,
С переломанными ногами».

Ник усмехнулся, достал пачку конвертов и с решительным видом пристроился на вьючном ящике.

– Ленке пишешь?

– Нет, сначала домой родителям.

– Тогда попроси, чтобы прислали теплые носки, – посоветовал я.

– Зачем мне теплые носки? – не понял Ник.

– Затем, что носки обязательно заворачивают в полиэтилен, чтобы они не испачкались от сала и колбасы.

– А ты почему никому не пишешь?

– Палец болит, – соврал я.

По правде говоря, перед отъездом в экспедицию мать засунула мне в рюкзак двенадцать почтовых открыток. Зная мою ленивую натуру, она написала на всех открытках наш домашний адрес, а на другой стороне: «Жив, здоров, целую, Толик». Я должен был регулярно бросать открытки в почтовые ящики. А какие на Памире почтовые ящики? Один в Хороге, второй в Мургабе. Вот я и бросил в последний ящик оставшиеся десять открыток, чтобы зря не пропадали. Родители получили сразу десяток заверений, что я жив, здоров, а потом целый месяц ни ответа, ни привета. Вернувшись после экспедиции домой, я получил страшный нагоняй. Родители долго укоряли меня за бесчувственность и эгоизм. Они рассказали, как переживали за меня и даже звонили в университет, пытаясь узнать, не случилось ли со мной что-нибудь. Я успокаивал их, как мог, и уверял, что если со мной что-нибудь случится в экспедиции, то они узнают об этом первыми. А когда долго нет писем, то это нормально и означает все в порядке. Просто нет поблизости почтовых ящиков или времени. Письма идут так долго, что нет никакого смысла их посылать. Но я так и не убедил родителей, пришлось признать свою неправоту и дать клятву в следующий раз посылать письма не реже двух раз в месяц.

Ник успел написать два письма и побежал отправить их с машиной. Теперь нас ожидала самая тяжелая и неприятная часть камералки – дробление проб. Ступа была сделана из нижней части разрезанного пополам кислородного баллона, а пестик – из тяжелого лома с шаровыми набалдашниками на концах.

На высоте четырех тысяч метров работать тяжелым ломом – каторжный труд. Через каждые три минуты надо было переворачивать двухпудовую ступу, чтобы высыпать пробу на сито, потом недодробленную породу назад в ступу и снова дробить. Иногда приходилось долбить

пестиком по восемь часов на жаре и солнцепеке, а некоторые пробы были килограммов по двадцать.

Вернулся Ник, но я сделал вид, что все еще заполняю каталог. Начинать тяжелую работу никак не хотелось. Воодушевленный чтением писем, Ник вышел из палатки и от ударов пестика колоколом загудела ступа. Велика была моя лень, но совесть у меня тоже имелась. Я бросил каталог и присоединился к Нику. Мы работали в четыре руки, и пока один дробил, другой еле успевал отдышаться.

Эта работа была для нас дополнительным заработком. Я был оформлен в партии на ставку рабочего, и деньги мы с Ником делили пополам. Но мы никак не ожидали, что за полставки нам достанется такая тяжелая и нудная работа. Я убеждал начальника партии, что нехорошо заставлять студентов при жизни выполнять адскую работу – молодые должны грешить, пока есть силы, а не карлиться.

Аверьянов объяснял, что сейчас, в середине лета, химические лаборатории не загружены работой, а осенью все приедут из экспедиций с пробами и появится очередь, сначала в дробилку, потом на истирание, потом в химлабораторию. И анализы будут готовы к весне. А если мы сейчас посылками отправим истертые пробы непосредственно в химлабораторию, то результаты анализов будут на столе уже к ноябрю.

Но, несмотря на очевидные выгоды для дела от такой прогрессивной методики анализа вещества, мы с Ником трудились без энтузиазма. Однажды в присутствии Аверьянова, когда мы в агатовых ступках истирали навески дробленой породы до состояния пудры, я мечтательно произнес, обращаясь к Нику:

– Представляешь, если бы перед нашим лагерем текла широкая и глубокая река, а через нее был перекинут высоченный мост.

– Ну и что? – не понял Ник.

– Так вот, если с этого моста сбросить нашу ступу! Ох, и булькнуло бы.

– И пестик, – радостно подхватил Ник.

– Я, между прочим, за эту ступу два литра спирта работягам отвалил, – обиделся Аверьянов.

Но и столь высокая коммерческая цена ступы не вызвала к ней привязанности.

В конце сезона мы с Ником решили сфотографироваться у ступы на память. С рюкзаком за плечами и с молотком в руке я сел на ступу верхом, на манер Бабы-яги, Ник встал рядом и повариха Тася нас сфотографировала. У нас на факультете после геологических практик и экспедиций было принято выпускать стенгазеты. Обычно для подписей под фотографиями брали строки из популярных туристских и геологических песен. Но чаще всего использовали заголовки газетных статей, которые делали смешными любые фотографии. Наш снимок на ступе достойно украсил вырезанный из газеты журналистский штамп: «Самые современные средства транспорта используют разведчики недр, чтобы добраться до кладовых природы».